

ПУТЕШЕСТВИЯ ВСТРЕЧИ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ЗА УСТЕНОЙ ТРОПИЧЕСКОГО ЛЕСА

Вл. ИОРДАНСКИЙ

Фото автора

НАЧАЛО ПУТИ

ПУТЕШЕСТВИЯ сначала совершаются в воображении. Мысль забегает вперед, пытается представить повороты еще не известной дороги, расположенные на будущем пути деревушки и города, увидеть людей, которых предстоит встретить. Раскрываются географические карты и книги, в библиотеках разыскиваются фотоальбомы. А иной раз в случайном порыве ветра словно бы слышатся звуки непонятной, чужой речи.

Мои первые поездки в нигерийские города Беннин и Ифе были предприняты именно так — в воображении. Как-то раз мне в руки попала книга немецкого этнографа Лео Фробениуса, искавшего в начале века фантастическую Атлантиду, но нашедшего следы великой и вполне реальной цивилизации в затерянном среди лесов Западной Нигерии священном городе йоруба — Ифе. Тогда и началось мое лишь недавно закончившееся путешествие. Очень долго веками на моем пути были музеи и библиотеки, пока наконец действительно не замелькали за стеклами автомашины милевые столбы и не ударил в лицо жаркий и пряный ветер нигерийского леса... Я оказался в федеральной столице Нигерии — Лагосе, откуда, как говорится, рукой подать и до Ифе и до Бенина.

Город Западной Африки многообразен иначе, чем город Европы. Если смешение черт в облике европейского города часто возникало в результате наложения стилей различных эпох — от готических храмов до небоскребов, то каждый большой город Западной Африки многолик и потому, что в нем скрещиваются различные национальные и культурные традиции самого континента, и потому, что в его архитектуре и планировке по сей день запечатлено длительное господство Европы над Африкой.

Таковы Дакар, Абиджан, Аккра и даже маленькие Ниамей и Ломе. Но ни один из них не может сравниться с Лагосом. Лагос — это море, в которое, подобно рекам, вливаются потоки уходящих из деревни крестьян — йоруба, фулани, хауса, ибибио и многих других населяющих Нигерию народностей.

Приближение к Лагосу чувствуешь задолго до того, как дорога превратится в улицу. Постепенно на узком шоссе возникает все больше машин. Все более частыми становятся рекламные щиты с призывами пить пиво «Гинесс» и обувать машины шинами «Данлоп». Лес редет, и через несколько минут уже невозможно различить, где кончаются пригороды и начинается нигерийская столица. Лишь услышав гудки кораблей в лагуне, увидев подъемные краны порта, говоришь себе:

— Вот и Лагос!

В прошлом Лагос, наряду с расположенным дальше на восток Калабаром, был центром бойкой торговли рабами. В те давние годы статистики не существовало, и можно спорить, сколько тысяч человек было вывезено через Лагос в Америку. Известно только, что по сей день среди негров Кубы, Бразилии и ряда других южноамериканских стран распространены традиции, культура, религиозные верования йоруба, живущих в Западной Нигерии, и в частности вокруг Лагоса. Многие из потомков этих рабов во второй половине XIX века вернулись на родную землю и в свою очередь принесли с собой латиноамериканскую культуру. На старых улицах столицы сохранилось немало домов, словно перенесенных целиком из Бразилии.

Однажды после обеда я отправился из своей гостиницы в кварталы, окружающие дворец обы — традиционного вождя города. Я искал в местном фольклоре, в культуре йоруба черты, которые помогли бы мне понять достижения мастеров Ифе и Бенина. В музее Нигерии, находящемся недалеко от здания парламента Федерации, выставлены одна из работ художников Ифе и несколько великолепных бенинских бронз. Ни одна из самых точных фотографий не может воспроизвести их очарование, и эта первая непосредственная встреча с древним искусством Западной Нигерии с новой силой побуждала меня возможно глубже знакомиться с народным изобразительным искусством края. Ведь существует связь между творчеством народа и творчеством мастеров двух нигерийских городов.

ОСТРОВК В ДЖУНГЛЯХ

Лес начинается сразу же за Лагосом. У дороги широкие листья бананов, пушистые кущи бамбука и какие-то колючие кустарники часто образуют столь плотную зеленую стену, что, кажется, в нее можно забивать гвозди.

Временами лес расступается, светлеет. Среди редко разбросанных деревьев-гигантов тянутся плантации какао. Там поблескивают золотом словно прилепленные к стволам крупные плоды.

Залиты солнцем прозрачные рощи деревьев кола. У некоторых народов они считаются священными, и повсюду на африканском западе поднесение в подарок пунцовых орехов кола считается знаком высокого уважения. Жених преподносит эти орехи отцу невесты, младший — при встрече старшему. Еще несколько столетий назад караваны носильщиков доставляли отсюда на север мешки кола, а сегодня в том же направлении с тем же грузом тянутся маленькие синенькие грузовички торговцев-хауса. На пахучих деревенских рынках вдоль дороги десятки наполненных орехами корзин ждут отправки в города и деревни саванны и сахеля¹.

Я знаю, как африканцы любят свой лес. Мне приходилось слышать чудесные описания его красоты, его силы, его тайн. Лес богат, он многое отдает человеку.

Но я не мог и не могу его полюбить. В его чащобах тесно солнечному свету. Просторы саванны, изумрудной после летних дождей и серой, поблекшей после январских и февральских суховеев, мне всегда были ближе, роднее. Меня преследовала мысль, что рождение в глуши тропического леса, пожалуй, самого жизнеутверждающего искусства Западной Африки — скульптуры Ифе — является странным парадоксом.

Хотя, спрашивал я себя, разве мало парадоксов в истории искусства любой страны?

В Ифе я приехал около десяти часов утра. На небе не было ни облачка, и когда из-за расступившегося леса показался город, мне почудилось, что он буквально захлебывается в солнечном сиянии. Каждая жестянка на пыльной мостовой, каждый кусок стекла в окнах, алюминий на крышах были подобны мощным прожекторам. Нужно было некоторое усилие, чтобы различить, как, в сущности, невелик сам город и скромны городские здания.

Найти музей оказалось нетрудно. Его своеобразное, напоминающее старые русские усадьбы здание находилось на невысоком пригорке и как своим расположением, так и стилем резко выделялось из массы остальных городских строений. С волнением поднялся я по ступеням. За стеклянной входной дверью музея угадывался большой полутемный зал.

Там, на высоких пилонах, были расставлены бронзовые, почерневшие от времени фигуры. Собственно, это были великолепные портреты давно исчезнувших людей. Многие из них были выполнены в чуть розовой терракоте, но художественные их достоинства не уступали выставленным бронзам.

Среди терракот мне особенно запомнились две. Одна из них, обнаруженная при раскопках в священной роще Ивинрин, изображала голову молоденькой девушки. У нее был нежный, мягкий овал лица и еще по-детски припухшие, полные губы. Все лицо покрывали идущие параллельно от висков к подбородку линии скарификаций — указывающих на племенную принадлежность шрамов, но эти линии не уродовали лица, а, напротив, как бы подчеркивали его природное изящество. Чуть раскосые глаза доверчиво вглядывались в мир.

Столь же поэтичен, чист был второй образ — образ юноши. Эта терракота из святилища бога Олокуна Валоде сохранилась плохо. Время пощадил

¹ Сахель — растительная зона в Западной Африке. промежуточная между пустыней и саванной.

ло только лицо. Сколько в нем человеческой доброты, мягкости! Благородный высокий лоб, снова чуть раскосые глаза с прямым, открытым взглядом — каждой своей чертой скульптура говорила о красоте молодости, о радости жизни.

Выразительны и бронзовые головы, восхищающие и проникновенностью своего реализма, и завершенностью, техническим совершенством исполнения. Фотографии не передают и доли их правдивой красоты. Покрытые зеленовато-черной паутиной, эти головы кажутся живыми в полумраке музейного зала.

Я долго любовался одним из женских портретов. Простое, пожалуй, заурядное лицо, какие тысячами и сегодня встречаешь на улицах нигерийских городов. И пусть головное украшение говорит о высоком общественном ранге этой женщины, возможно, жены одного из них — вождей Ифе, она женщина из народа, и ее скромная, незаметная поверхностному взгляду красота — это красота лучших женщин страны.

У входа во дворец обы — владыки Бенина стоит эта сделанная из глины фигура. Она изображает вождя в парадных одеждах. В одной руке у него государственный меч, а в другой он держит побежденного врага

Этот мальчуган, сфотографированный мною в окрестностях Лагоса, похож на изображенного скульптором из города Ифе мужчину, как младший брат мог бы напоминать старшего. Та же форма головы, тот же разрез глаз, те же нос, губы, овал лица...

Сейчас найдено более двадцати бронзовых голов, и восемнадцать из них находились в этом зале. Они и обнаружены были одновременно, когда в 1938 году на дворе они Вунмонидже было начато строительство нового дома. Какая случайность собрала вместе все эти сокровища искусства на дворе Вунмонидже, где они были завалены рухнувшей стеной и совершенно забыты? Наверное, никогда не удастся ответить на этот вопрос.

Едва ли не все, писавшие о бронзах Ифе, отмечали поразительное единство их стиля. Собственно, это было одной из причин возникновения самых фантастических гипотез о происхождении этих бронз. Писалось о связи искусства Ифе с культурой этрусков XV века до н. э., о его египетских, персидских и даже индийских корнях. Предполагалось, что эти бронзы могли быть созданы бродячим греком, римлянином или скульптором эпохи Возрождения. Поистине, взбудораженное великим открытием воображение историков занесло их в столь далекие заоблачные выси, что никакие принципы трезвого научного исследования уже не могли их там догнать и остановить.

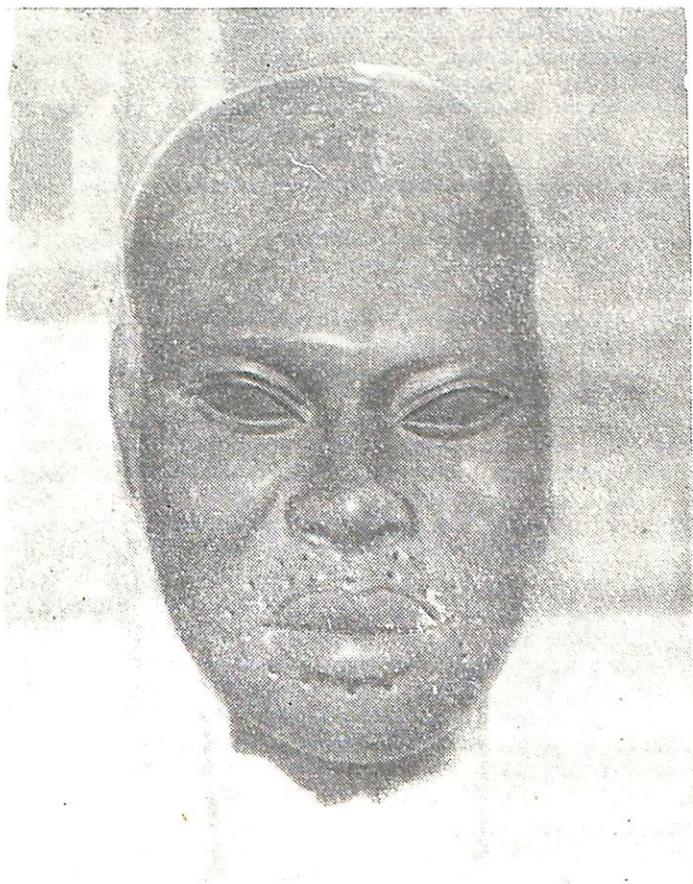
Трудно отказаться от мысли, что большинство находок в Вунмонидже принадлежат одному мастеру. Трудно допустить, что, скажем, два скульптора могли бы воспроизвести манеру один другого с такой точностью и таким полным отрешением от собственной индивидуальности. Искусствоведы обращают внимание и на общую для всех скульптур некоторую условность в изображении глаз, ушей, шеи, подчеркивая сходство замысла и самой техники исполнения различных бронз.

Когда я был в музее, еще одна черта, общая для всех выставленных бронз, привлекла мое внимание. Меня заинтересовало, что все скульптуры представляли человека в минуту наивысшего душев-

ного покоя. Конечно же, это не было случайностью. При своем большом таланте и отточенном мастерстве художник мог бы передать любое душевное состояние, и если из всей гаммы человеческих настроений он выбрал только одно, то здесь чувствуется какая-то особая идея, глубокая мотивированность.

Мне вспоминается предложение одного из ученых, что бронзы Ифе создавались в память об умерших и связаны с распространенным среди йоруба культом предков. Это очень вероятно, ибо и по сей день значительная часть деревянных скульптур йоруба отражает этот древний, известный всей Западной Африке культ. А тогда многое становится понятнее и в настроении, с которым скульптор создавал свои великолепные портреты. В религиозной оболочке древнего верования скрывались присущие нигерийскому крестьянину и уважение к человеку вообще, и его любовь к жизни, и его человечность. Не эти ли чувства воодушевляли неизвестного мастера?

Одна из работ мастеров Ифе.

Я вышел из музея. Внизу — шумный перекресток, несколько лавчонок. За улицей, на соседнем пригорке, — двор нынешнего они, его светлый, белый дом. Внизу продолжалась жизнь, пришедшая сюда много веков назад. Оскудел ли ее поток, оставит ли и он после себя что-то такое, перед чем в изумлении будут останавливаться люди?

Талант народа не исчезает.

КРАСНЫЙ ГОРОД

Как гласит предание, один из вождей Бенина, царствовавший около пятисот лет назад, пригласил в свою страну мастера из Ифе, чтобы научить бенинцев благородному искусству бронзового литья. Сейчас я ехал из Ифе в Бенин, наверное, тем же путем, которым следовал мастер — через густой лес, меж зеленых холмов. Часто дорогу пересекали речки и ручейки с черной прозрачной водой.

Мастер-скульптор шел, вероятно, недели, прежде чем достиг Бенина, а сегодня расстояние между двумя городами сократилось до четырех-пяти часов езды машиной. Неожиданно из-за холма показался город. Это и был Бенин.

В дороге мне вспомнился старинный миф, рассказывающий об основании этого города младшим из сыновей верховного божества Осанобуа. Вместе со своими братьями, среди которых были первые вожди Ифе и других королевств йоруба, он был послан отцом в мир. Каждому из детей Осанобуа позволил что-нибудь взять с собой. Один выбрал богатство, другой — тайны магии, а младшему из братьев его друг-птица подсказала попросить раковину улитки. Когда братья спустились на землю, оказалось, что она покрыта водой. И снова птица пришла на помощь своему другу. По ее совету он перевернул раковину, и оттуда посыпался песок, образовавший сушу. Первый оба Бенина стал ее владельцем, и старшим братьям пришлось обменять у него свои богатства на клочок земли для поселения. Так, несмотря на свой возраст, младший из сыновей Осанобуа стал самым богатым и могущественным правителем, а основанный им Бенин — сильнейшим из государств.

«Что сохранилось из воспетого легендой былого величия города?» — спрашивал я себя, подъезжая к Бенину.

По статистическим справочникам, в городе живет свыше пятидесяти тысяч человек. Но территория Бенина велика, а его улицы столь многолюдны, что эта цифра кажется заниженной. Большинство домов построено из красной местной глины. Полугие крыши из алюминиевых или... пальмовых листов защищают красные земляные стены от ударов тропических ливней.

Впрочем, еще было далеко до сезона дождей. Стояла сухая, жаркая погода.

Вечером в день приезда я познакомился в гостинице с Джоном Олафоре. Сам он был уроженцем Ибадана, но город и знал, и любил. Ему в очень высокой степени была присуща характерная для многих нигерийцев черта — радушная приветливость, гостеприимство. Мне думается, он был бы искренне огорчен, если бы не смог показать гостю что-то, на его взгляд, важное и интересное.

— Сначала я предлагаю побывать у дворца вождя всех бенинцев — обы Акензуа II, — обратился ко мне Джон на созванном нами в холле гостиницы совете. — Это центр города, да и символ прошлых традиций. А, может быть, удастся увидеть и самого обу.

Намеченную программу мы начали осуществлять с раннего утра, но к дворцу обы добрались уже около 11 часов. Слишком много интересного встретилось по дороге: и небольшие мастерские-копильни по обработке добываемого в окрестных рощах каучука, и рынок с его пестрым богатством тканей, фруктов, пряностей, и торговцы «древностями», изготовленными по особым рецептам не больше недели назад.

Пожалуй, дворец был самым заурядным из того, что мы уже увидели этим утром. Собственно, было трудно и назвать дворцом низкое глинобитное здание, вытянувшееся метров на пятьдесят вдоль площади. В его стене были прорезаны узкие щели дверей, и у одного из входов стояла слепленная из глины фигура вождя в парадных одеждах. Стену украшал барельеф, но, сделанный из глины, он был почти совершенно стерт прошлогодними дождями.

Действительно интересны были люди.

Во дворец и из дворца шли древние старухи со сморщенными, как сушеные груши, лицами, приближенные обы, высокомерно равнодушные к раболепствующим, преклоняющим перед ними колена просителям. И здесь же играли ребятишки, чей веселый шум заставлял забывать об окружающих дворец тенях прошлого.

Я заметил, что многие из идущих к обе имели небольшие браслеты или ожерелья из коралловых бусин. Шеи особенно напыщенных придворных опутывали целые ряды коралловых ожерелий.

Джон объяснил, что только члены королевской семьи имеют право носить эти украшения.

— Теперь это демократическая семья, — с усмешкой заметил он, показывая на бегающих вокруг ребятишек с розовыми браслетами. — Раньше же по всей Нигерии не было более отгороженного от народа двора, чем двор бенинского обы.

— Какова же нынешняя роль вождя? — спросил я.

— Конечно, в глазах многих он еще пользуется авторитетом. Но власти у него больше нет. Главные его обязанности — судебские. Он решает дела о наследстве, браке и разводе, нарушениях земельной собственности, опираясь на традиционное право края.

Мы постояли еще несколько минут перед дворцом, а затем Джон предложил осмотреть городской музей, находящийся в двух шагах от дворцовой площади.

Как оказался непохож этот музей на музей Ифе! С болью я смотрел на небольшую собранную здесь коллекцию образцов бенинского искусства. Какие жалкие остатки богатств, разграбленных в 1897 году английской солдатней!

Но и это небольшое было волнующе интересным. Я увидел пугающие бронзовые маски, выносимые в народ во время ежегодного праздника ямса. Было выставлено несколько бронзовых пластин, представляющих сцены из жизни города. Из-за стекла витрин на меня смотрели отлитые из той же бронзы пантеры. Некоторые из вещей серьезно пострадали во время пронесшихся над Бенином военных бурь, другие же сохранились превосходно и поражали тонким мастерством.

В моей памяти еще свежи были впечатления от встречи с искусством Ифе, и я невольно сравнивал достижения художников двух городов — Ифе и Бенина. И хотя существует неоспоримая и тесная преемственность между творчеством скульпторов Ифе и Бенина, в глаза бросались резкие контрасты.

Пожалуй, сама идея существования каких-либо связей между творчеством Бенина и Ифе показалась бы мне невероятной, если бы раньше, еще в Лагосе, я не видел древних бенинских бронз. В лагосском музее собрана небольшая, но поистине замечательная коллекция, и, в частности, там выставлен один из шедевров мировой скульптуры — бронзовая головка королевы-матери из Бенина. Эта работа предположительно относится к XV—XVI векам, и ее стиль родственен стилю терракот и бронз Ифе. В этом скульптурном портрете хорош не только

трогательно поэтический образ молодой, нежной и чуточку беспомощной, несмотря на свой высокий сан, женщины. Покоряет и редкая гармоничность линий, их мягкий, спокойный ритм.

Но таков был только ранний период в истории искусства бенинского королевства. В последующие же века традиции гуманного и жизнелюбивого творчества мастеров Ифе забывались все основательнее и прочнее.

Правда, в одном отношении местные скульпторы пошли дальше своих учителей. Они не ограничивались созданием портретных скульптур, а начали разрабатывать сложные композиции на бронзовых пластинах, обычно украшавших стены жилищ вождей и придворной знати. Среди выбираемых ими сюжетов были сцены из жизни двора обы, танцы, эпизоды войны. На пластинах можно увидеть вождей в парадной одежде или воинских доспехах, придворных, португальских купцов и солдат, бывших частыми гостями в Бенине в XVI—XVII веках. Некоторые детали одежды, украшения изображены очень верно. В сущности, если бы была написана подробная история королевства Бенин, то эти пластины могли бы послужить великолепными иллюстрациями к некоторым ее страницам. Насколько пока известно, мастера Ифе никогда не охватывали жизнь столь же широко.

И вместе с тем очевидно, что в своем творчестве скульпторы Ифе были значительно свободнее, независимее, чем мастера Бенина. Последние с течением времени все в большей мере оказались в плену нерушимых и мертвящих эстетических канонов. В догму были вновь возведены черты, которые характерны для религиозной деревянной скульптуры йоруба и от которых еще художники Ифе сумели освободиться.

Скажем, у йоруба вождь, как правило, изображается заметно крупнее своих подданных. На бронзовых пластинах оба много выше окружающего его придворных. В деревянной скульптуре пропорции человеческого тела обычно нарушаются, и громадная голова помещается на тонкое, узкоплечее туловище. Так же выглядят люди на бенинских бронзах.

Цех литейщиков был замкнутой корпорацией, выполнявшей только заказы двора, и, естественно, навязанные бенинскими феодалами вкусы стали строжайшим эстетическим «кодексом» скульпторов литейщиков. Самой большой потерей бенинского искусства явилось исчезновение из его поля зрения человека во всем его своеобразии. Да и как скульпторы могли создавать реалистические портреты, скажем, владык Бенина, если религиозные каноны запрещали бенинцам даже говорить об обе теми же словами, что о простых людях? Нельзя было сказать, что оба спит, ест или идет. Для каждого из этих случаев существовали особые, условные выражения.

Таким-то «условным выражением» бенинской жизни стала скульптура. В цепях навязанной феодальной и религиозной псевдоэстетики погибала не только индивидуальность отдельных художников. Из искусства исчез реализм, ушла сама жизнь. Холодом мрачной, угрюмо фанатичной фантазии веет от многих бенинских бронз.

...На другой день я уезжал из Бенина. Сколько еще загадок скрывается за стеной тропического леса? Сколько новых открытий еще предстоит здесь сделать археологам, историкам, искусствоведам? Я уезжал с твердой надеждой снова увидеть и красные стены Бенина, и город четыреста одного бога — Ифе.

АБД АЛЬ-ВАХХАБ АЛЬ-БАЯТИ

КОСМОНАВТ, ПОСМОТРИ НА ЗЕМЛЮ

Космонавт, посмотри на Землю,
изумись и замри:
в голубом ореоле
смуглое тело Земли.

Вот она,
словно женщина в первую ночь:
обнаженная грудь
и раскрытое сердце
в артезианской своей глубине;
словно сказочный плод,
посеребрённый звездной росой;
словно голос родной,
что бежит и бежит
вослед кораблю,
устремленному вдаль;
словно вода
в час безудержной жажды и зноя.

О земное, заветное,
о слиянье покоя и битвы,
созерцанья и скорости,
сочетание огненной молнии
с теплым зеленым ростком!

Космонавт, посмотри на Землю,
на морщинки у глаз ее вечных,
на преждевременную седину
ее туго закрученных кос
и прислушайся чутко:
бьется в ней,
в сокровенных глубинах,
огненно-алое сердце,
бьется, трепещет, и ждет,
и, тоскуя, горит —
без тебя.
Космонавт, посмотри на Землю,
как она тебе смотрит вослед,
эта женщина —
единственная,
твоя до конца,
до последнего смертного вздоха,
эта женщина
в облачном белом платке,
в русском белом платке...

Возвращаясь и ей принеси
не алмазную пыль
бесконечно холодных миров,
не ожерелье
бесчисленных солнц,
танцующих радужный танец
вокруг твоего корабля.
Принеси ей
орлиное сердце свое
и надежду на счастье и мир...

Перевел Михаил Курганцев